

Живет в Беер-Шева (Израиль).

На кудыкину гору

куда ты торопишься, сын? на кудыкину гору?
трамвай детских снов развернув поперёк на ходу,
ты машешь рукою "прощай" старику пифагору
на сумму квадратов и прочую белиберду.

широкие дали и дальние дольные шири
раскинулись миром, оставив хребты позади.

погоду проверив, настроишь программу в эфире,
где скажет народ моисею: "веди нас, веди".

и ты поведёшь за собою в треклятое царство,
где старый дракон полыхает огнём. и мечом
прорубишь окно, и оттуда всё будет казаться
реальным и ярким, но всё это будет потом.

в проекте заложены радости с каплями грусти.
вверху - хорошо, а внизу, увязая в корнях,
поддержит земля, и на небо с надеждой отпустит:
"лети!" - и взлетишь, за горой обгоняя меня.

Что-то из области сна

человек скитается по свету
в множестве скитающихся прочих,
он найти пытается источник,
попросить счастливую монету,

загадать желание почище,
чтобы - невозможно не исполнить.
молит он слабеющие волны
набежавшим топким взглядом нищих:

"дайте мне монеточку" - плаксивит.
не жалеите милостыню, дайте,
он же больше жизни не истратит,
максимум: слетает на мальдивы,

минимум: родиться не успеет,
потому что мало ли как будет.
грянут залпы башенных орудий
и поправит ангел португю.

"неразменные монетки, сударь" -
серафим промолвит работающий, -
"никудашный вы у нас заказчик,
проморгали истинное чудо."

человек испуганно проснётся
на другой, совсем другой планете:
он в одной руке сжимает ветер,
а в другой руке сжимает солнце.

Кольцеслов

слова, всегда слова, очерченные правом
расстрельной красотой изрешетить до дыр...
до сухости во рту я буду мучить клавишу:
награда за слова - не слава, а plezier.

я буду повторять, наивно гуттаперчив,
о боге, о любви, о смерти (от и до),
красноречиво врать, как врал уинстон черчилль,
и правду разрубать без боли и следов.

линейкой облаков измерю в небе слухи
о том, что далеко и к нам не долетит -
к нам падают во двор из прошлого старухи
и поднимают сор из-под бетонных плит.

за горизонтом плач детей и миротворцев,
злодеев и друзей, радующих за хлеб,
который почернел и горьким стал, и чёрствым,
как мумия страстей - великий имхотеп.

невинные штрихи, раскрашенные словом,
я соберу в ладонь, упрямым роя гугл,
их назову - стихи (по-прежнему неново!),
и вместо - "я люблю", проставлю - "ябывдул".

опять протезы слов, опять пустые звуки,
и оттиск тишины в зрачке примерит страх:
умрут похоже все - все азы, веда, буки,
последним сгинет бог, но только на словах.

